

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Программа партии социалистов-революционеров, принятая на I партийном съезде в январе 1906 г., оставалась по крайней мере формально руководящим документом и в период второй буржуазно-демократической революции в России. Ни II съезд в феврале 1907 г., ни III в мае 1917 г. не внесли в нее никаких изменений. Изучение истоков программных взглядов социалистов-революционеров приобретает тем самым особое значение для правильного понимания деятельности эсеровской партии на всех этапах ее существования как активной политической силы. Это в свою очередь делает необходимым пристальный анализ формулировок как самой программы, так и тех ее проектов, которые предшествовали выработке окончательного текста. Хотя эсеровская программа не раз цитировалась и ей неоднократно давались в более или менее общей форме соответствующие характеристики, исследованию в таком плане она еще не подвергалась.

Первый проект программы (1903 г.) остался неопубликованным.¹ Текст его нам неизвестен. Второй проект был опубликован в мае 1904 г. в № 46 журнала «Революционная Россия». В подзаголовке указывалось, что проект выработан редакцией центрального органа и подлежит утверждению на ближайшем партийном съезде. Существовало и отдельное издание этого же проекта.

Но и этот вариант со временем перестал удовлетворять его авторов, и на I съезде делегатам был зачитан еще один, третий проект программы. Нам неизвестно, был ли он опубликован перед съездом. Во всяком случае для некоторых делегатов он явился неожиданностью. Позднее этот проект был напечатан в протоколах съезда.

Оба печатных проекта состояли из двух разделов — теоретического введения и системы политических и экономических требований, которые эсеры считали своей программой-минимум. Во вступительном слове на съезде В. Чернов, партийный теоретик и один из авторов программы, утверждал, что различия между социально-философскими частями этих проектов «сводятся главным образом к большей сжатости выражений».² Действительно, более существенные поправки были внесены во вторую, практическую часть проекта. В настоящей статье делается попытка выяснить сущность и причины наиболее значительных смысловых изменений как в теоретической, так и в практической частях всех известных вариантов эсеровской программы.

¹ См.: Социалист-революционер, 1911, № 3, стр. 255, 266.

² Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров, 1906 (далее — Протоколы), стр. 84.

Все варианты теоретического раздела программы, различаясь в основном редакционной правкой, начинались с характеристики современного мирового общественного развития, происходившего и на Западе, и в России — в этом у составителей программы не было никаких сомнений — в капиталистических формах «на началах разрозненности и конкуренции индивидуальных хозяйств, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал и отлучения от них непосредственных производителей».³ Далее говорилось об «анархии производства», «кризисах» и т. п. В то же время в программе вскользь указывалось, что буржуазный строй имеет и определенное «прогрессивное содержание», так как при капитализме, хотя односторонне и неполно, по все же происходит «развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах», подготавливаются «некоторые материальные элементы для будущего социалистического строя». Кроме того, капитализм содействует объединению в сплоченную социальную силу промышленных армий наемных рабочих». В программе заявлялось, что антагонизм между классом «эксплуатируемых тружеников» и классом «эксплуататоров» постепенно, по мере того как он проникает в общественное сознание, превращается в «организованную политическую борьбу классов», «выражением, научным освещением и обобщением» которой стал «международный революционный социализм».⁴

В. И. Ленин, ознакомившись с опубликованным в «Революционной России» проектом программы социалистов-революционеров, отметил, что он «представляет из себя значительный шаг вперед не только в отношении большей ясности изложения принципов. Прогресс сказывается и в содержании принципов, прогресс от народничества к марксизму, от демократизма к социализму». «Признание „творческой“ исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего „социальную силу“, способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством и переход к марксизму».⁵

Конечно, Ленин отнюдь не считал, что отдельные, сходные с марксизмом формулировки привели к коренным изменениям теоретических основ эсеровской партии. По мнению Ленина, социал-демократическая критика лишь заставила эсеров «с особенной силой подчеркнуть свои социалистические благие намерения и свои общие с марксизмом воззрения». Но «благие намерения быть социалистом» не исключали «буржуазно-демократической сущности». В целом, несмотря на отдельные марксистские вкрапления, эсеровский социализм продолжал оставаться мелко-

³ Там же, стр. 355 (цитируется окончательный вариант программы, утвержденный на съезде).

⁴ Там же, стр. 356—357.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 191, 192.

буржуазным социализмом, и на фоне некоторых согласных с марксизмом положений еще ярче выступали «черты старых, народнических, расплывчато-демократических воззрений».⁶

Сами эсеровские лидеры решительно отмежевывались от «традиционных догм марксизма». В. Чернов, основной докладчик на съезде по программным вопросам, во вступительном слове перед обсуждением теоретической части программы обвинил русских марксистов (вслед за Н. К. Михайловским) в том, что они стоят «на точке зрения абсолютного единства исторического развития отдельных стран», принимая во внимание только общее и игнорируя особенности. Кроме того, у эсеров, в отличие от социал-демократов, по мнению Чернова, существует неразрывное слияние «объективного и субъективного», дается характеристика как «стихийного хода событий», так и «сознательного вмешательства организованных общественных сил».⁷ Эсеры, приписывая марксизму отрицание роли личности в историческом процессе, полагали, что они в своей программе устраняют эту односторонность, призывая «на помощь» Марксу и Энгельсу Лаврова и Михайловского и делая поправки к марксизму по рецептам западноевропейского ревизионизма.

Такой теоретической «поправкой» был, в частности, эсеровский тезис о соотношении положительных и отрицательных сторон капитализма, которое являлось более благоприятным «в высших отраслях индустрии и в странах классического капитализма» и становилось все менее благоприятным при переходе к промышленности добывающей и «в особенности же к земледелию и к целым странам, хуже поставленным в международной экономической борьбе».⁸

Социалисты-революционеры начала XX в. не в пример своим народническим предшественникам уже не сомневались в наличии капитализма в России. «Центр тяжести вопроса для нас, — говорил Чернов на I съезде, — конечно, не в том, признать или не признать капитализм как факт; об этом давным-давно не может быть никакого разговора; . . . центр тяжести для нас в характеристике особенностей в судьбах капитала среди наших условий».⁹ Особенностью же России, по мнению эсеров, являлось именно крайне неблагоприятное соотношение «между творческими, исторически-прогрессивными, и темными, хищнически-разрушительными тенденциями» в развитии русского капитализма.¹⁰

У эсеров не было ясного понимания ни буржуазно-демократического характера предстоящей в России революции, ни расстановки в этой революции основных классовых сил. Они помещали в один лагерь как самодержавие и помещиков, так и городскую

⁶ Там же, стр. 191.

⁷ Протоколы, стр. 81—84.

⁸ Там же, стр. 356.

⁹ Там же, стр. 144.

¹⁰ Там же, стр. 359.

буржуазию и деревенских кулаков. Ленин еще в замечаниях на первый проект программы указал на абсурдность такого полного отождествления интересов *«всего класса промышленников, торговцев, помещиков, хозяйственных мужичков»* с интересами самодержавия, которое, по словам самих же эсеров, задерживало экономическое развитие страны. «Разве мыслимо такое „непримиримое противоречие“ со всем хозяйственным и проч. ростом страны, которое бы не выразилось в настроении хозяйственно-командующих классов??»,¹¹ — спрашивал он у авторов проекта программы. Но никаких существенных изменений после 1904 г. в формулировки, характеризующие экономические и политические позиции класса «крупных промышленников и торговцев» вкупе с дворянством и деревенским кулачеством, как крайне реакционные и безусловно нуждающиеся в покровительстве и поддержке со стороны самодержавия, внесено не было.

Вымазанному единой черной краской лагерю эксплуататоров противостояли в эсеровской программе «все слои трудового эксплуатируемого населения». В первом печатном проекте программы это понятие не конкретизировалось, но уже во втором, представленном на обсуждение съезда, приведенная фраза была продолжена (по-видимому, для того, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, кто именно здесь подразумевается) — «от промышленного пролетариата до трудового крестьянства». И промышленный пролетариат, и трудовое крестьянство должны были осознать себя «единым рабочим классом».¹²

Правда, и после этого на съезде раздавались голоса, требующие еще определеннее подчеркнуть, что трудовое крестьянство такой же «равноправный член социалистической армии труда», как и промышленные рабочие, и является оно таковым именно «в силу своих собственных классовых интересов», а не постольку, поскольку «усваивает точку зрения пролетариата».¹³ Однако комиссия по переработке программы сочла, что в проекте об этом сказано достаточно определенно, и в окончательном варианте осталась прежняя формулировка.¹⁴ Программа, принятая на съезде, и без того гораздо резче по сравнению с проектом 1904 г. подчеркивала традиционный эсеровско-народнический взгляд на безусловную социалистичность так называемого трудового крестьянства.

Между тем на съезде в ряде выступлений проект программы был подвергнут резкой критике именно за слишком большой уклон к марксизму, в частности за то, что в нем «общественный процесс рассматривается почти исключительно с экономической точки зрения».¹⁵ Обоснование социального прогресса в проекте,

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 195, 196.

¹² Протоколы, стр. 72.

¹³ Там же, стр. 104, 242.

¹⁴ Там же, стр. 242, 357—358.

¹⁵ Там же, стр. 100.

по словам представителя Киевского комитета, «носит явно материалистический характер, как результат влияния марксизма», и потому все теоретическое введение к программе «должно быть отвергнуто».¹⁶ Было внесено предложение принять только практическую часть программы, отложив выработку теоретической части до следующего съезда.¹⁷

Разумеется, у проекта программы нашлись и активные сторонники.¹⁸ Выступая в защиту проекта, В. Чернов выразил «живейшее огорчение» по поводу того, что «оказался взятым на замечание по подозрению в склонности к марксизму», расценив это как «колоссальное недоразумение».¹⁹ В итоге та часть теоретического введения, где давалась характеристика мирового общественного развития, была принята большинством в 52 голоса против 1 при 3 воздержавшихся, а раздел, посвященный анализу экономического и политического положения России, — единогласно.²⁰

В определении классовой сущности крестьянского движения и характера назревавшей в России революции заключался корень разногласий между русскими марксистами и социалистами-революционерами. Правда, как и социал-демократы, эсеры считали, что предстоящая в России революция не может быть непосредственно социалистической. Но на этом сходство кончалось. В задачу революции, по мнению эсеров, не входила расчистка путей развивающемуся капитализму. Они утверждали, что капитализм в России не нуждается в революции, так как промышленная буржуазия удовлетворена своим экономическим положением и заинтересована в сохранении самодержавия. Деятельность «либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы „образованного общества“»,²¹ эсеры не связывали с интересами буржуазии; либерально-демократическая оппозиция как бы повисала у них в воздухе. Однако, несмотря на то что основная тяжесть борьбы с царизмом, согласно эсеровской программе, падала «на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию», власть в результате победы революции должна была перейти именно к этой, в понимании социалистов-революционеров никого, кроме себя, не представляющей либеральной оппозиции. На это прямо указывалось в проекте программы 1904 г.: «Поскольку процесс преобразования России будет идти под руководством несоциалистических сил, партия социалистов... будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей рево-

¹⁶ Там же, стр. 101.

¹⁷ Там же, стр. 97, 101.

¹⁸ Там же, стр. 107—109, 115—116, 118—119, 244—245.

¹⁹ Там же, стр. 125, 128.

²⁰ Там же, стр. 247—249.

²¹ Программа партии социалистов-революционеров. Протоколы, стр. 360.

люционной борьбой следующие реформы». Позднее, во втором печатном проекте и в окончательном варианте программы, указание на руководство несоциалистических сил было исключено и заменено весьма туманной фразой: «Исходя из развитых выше соображений» и т. д. Но весь предыдущий и последующий текст, оставленный неизменным, по-прежнему ясно говорил о том, что рабочим и крестьянам после свержения самодержавия отводилась роль «революционного меньшинства», способного оказывать «лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства».²²

Если в задачу назревавшей революции не входила расчистка путей для капитализма и в то же время она не объявлялась социалистической, то каковы же были ее социальные задачи? Эсеры повторяли неоднократно, что предстоящая революция не должна быть и не будет чисто политической. Предполагалось, однако, что экономические преобразования после падения самодержавия будут иметь не буржуазно-демократический, а полусоциалистический характер, выйдут за рамки буржуазного строя, нанесут ему серьезный удар и станут первыми вехами на пути к социализму.

Прежде всего это относилось к аграрной программе. В окончательном, утвержденном на съезде варианте основные ее положения выглядели таким образом: «В согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне, партия будет стоять за социализацию земли, т. е. за изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведование земельным фондом и т. п.), пользование землей должно быть уравнильно-трудовым, т. е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе».²³

«Социализация земли» являлась краеугольным камнем эсеровской аграрной программы; она входила составной частью в оба печатных проекта и в окончательный текст, но среди членов эсеровской партии не было единого взгляда на сущность социализации, и это наложило свой отпечаток на некоторые формулировки в различных вариантах программы.

В течение нескольких лет в эсеровской печати дискутировался вопрос о соотношении социализации и национализации земли. В 1903 г. в журнале «Революционная Россия», центральном партийном органе, разъяснялось, что в настоящий момент требование

²² Там же, стр. 360—361.

²³ Там же, стр. 363.

национализации, т. е. перехода земли в руки современного, буржуазного государства, нецелесообразно, но в будущем, когда власть будет «в руках рабочего класса», социализация, проходя различные стадии, может осуществляться и в форме национализации.²⁴ Таким образом, национализация земли при сохранении буржуазного строя как будто бы отрицалась, но считалась вполне приемлемой как мера чисто социалистическая.

Однако эта статья, видимо, не внесла полной ясности в поставленный вопрос, и во время обсуждения аграрной программы на съезде выявилась настоящая разногласия мнений. Некоторые истолковали выступление «Революционной России» в том смысле, что против национализации «можно идти только до той поры, пока не соблюдены два условия политической реформы: демократический принцип выборов и наличие контроля за росписью доходов и расходов на манер английского».²⁵ Часть участников съезда в той или иной форме высказалась за предпочтительность национализации и при буржуазном государстве.²⁶ Их основной довод сводился к тому, что национализация предполагает переход земли в распоряжение всего народа, тогда как социализация означала передачу земли в собственность отдельным общинам или союзам общин. Однако под прикрытием фраз об интересах всего народа в речах сторонников национализации сквозила боязнь революционных крестьянских захватов земли.²⁷ На съезде за национализацию большей частью выступали представители правого крыла социалистов-революционеров, будущие энесы. В национализации они видели своего рода гарантию против крестьянской стихии, предпочитая, чтобы аграрную реформу осуществила «организованная народная воля правовым путем».²⁸ Сторонники национализации не исключали возможности и выкупа земли.²⁹

Приверженцы социализации, напротив, в своих выступлениях подчеркивали, что «современное государство, поскольку оно является орудием классовой эксплуатации рабочего класса буржуазией, не может быть той организацией, которой нам желательно было бы, а потому и можно бы передать землю».³⁰

Выступая с заключительным словом после обсуждения аграрной части программы, В. Чернов разъяснил, что объявленная в проекте «социализация земли» не означает передачу прав

²⁴ «Революционная Россия», 1903, № 15 (статья «Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве»). См. также № 14, 15, 70.

²⁵ Протоколы, стр. 195—196.

²⁶ Там же, стр. 89, 198—201.

²⁷ Там же, стр. 91, 92, 94, 95.

²⁸ Там же, стр. 89.

²⁹ Там же, стр. 90—92. За национализацию на съезде выступали (под псевдонимами) А. В. Пешехонов (Турский), В. А. Мякотин (Рождественский), Н. Ф. Анненский (Коренев).

³⁰ Там же, стр. 182 (выступление представителя Витебского комитета Порошина). См. также стр. 186—187, 203—204, 206, 214.

собственности на землю общинам или государству. При буржуазной «вульгарной национализации» «обрабатывающие землю являются обыкновенными свободными арендаторами; сущность частноправовых отношений остается та же». Отличие социализации от национализации в том и состоит, что земля не переходит в разряд так называемых «государственных имуществ», а становится «ничьей» и в этом смысле «общенародным достоянием».³¹

Таким образом, Чернов, толкуя по-своему содержание социализации, видел в ней понятие, качественно отличное от национализации. Исходный пункт социализации в его представлении — «признание равного права каждого трудящегося на землю», ограниченное лишь таким же правом другой личности. Не какое-либо общественное или государственное учреждение должно, представляя интересы народа, быть собственником земли, а непосредственно сам народ как «совокупность живых индивидов», каждый из которых обладает трудовым правом на пользование землей. Отличительной чертой социализации эсеры считали принцип «самой широкой децентрализации». И поскольку все «органы народного самоуправления, от общины до центральных учреждений», не являются суверенными владельцами земли, они становятся «просто регуляторами личных трудовых прав на землю». Конкретно их деятельность должна идти в направлении от обеспечения уравнительного распределения и перераспределения земли к уравнительным системам коллективной обработки. Так объяснял на съезде сущность социализации эсеровский теоретик В. Чернов своим недоумевающим товарищам по партии, которые никак не могли «выбиться из заколдованного круга старых правовых понятий» и не в состоянии были представить себе, что же это такое «общенарод» как субъект прав на землю вне своих представительных учреждений.³²

Отсюда ясно, какое значение придавали составители эсеровской программы таким терминам, как «собственность», «достояние», «владение» (землей), «распоряжение», «заведование». Эсеры полагали, что, оставаясь со своей программой-минимум еще в рамках буржуазного строя, они тем не менее социализацией земли вводят в него «антибуржуазное начало»³³ и это соответствующим образом должно быть отражено в терминологии. «Лучше бросим совсем это слово „собственность“, невольно тянущее за собою ряд обычных буржуазных представлений»,³⁴ — говорил на съезде Чернов. В соответствии с этим слова «общественное владение» (проект 1904 г.) во втором печатном проекте заменяются термином «общенародное достояние». Только в одном случае еще оставалось криминальное слово «собственность» —

³¹ Там же, стр. 219—220, 224.

³² Там же, стр. 156, 220—228.

³³ Протоколы, стр. 229.

³⁴ Там же, стр. 223.

«земля переходит в общественную собственность». Но затем это было исправлено, и в утвержденной программе соответствующее место звучало так: «Земля обращается в общенародное достояние».

По проекту 1904 г. земля переходила «в общественное *владение* и в *распоряжение* демократически организованных общин и территориальных союзов общин», по второму печатному проекту — уже только в одно «*распоряжение*» (курсив наш, — В. Г.). Но и на этом изменения не кончились. Чтобы «еще полнее произвести разрыв с буржуазной терминологией», Чернов предложил заменить «распоряжение» «заведованием», ибо «это термин чисто экономический, не влекущий за собой никаких нежелательных представлений из области буржуазной юриспруденции».³⁵

Не менее важным для составителей программы было определить, в чье «владение» (1-й печатный вариант), «распоряжение» (2-й) или «заведование» (окончательный текст) переходит социализированная земля.

По проекту 1904 г. она переходила во владение «демократически организованных общин и территориальных союзов общин», а в проекте, представленном на обсуждение съезду, наряду с общиной уже фигурировало и государство. Земля, по второму проекту, поступала «в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских общин и кончая государством». Поскольку речь шла о программе-минимум, имелось в виду государство буржуазное, но тем не менее оно квалифицировалось как центральный орган «народного самоуправления». И хотя, несмотря на доводы будущих энесов, у него были отняты права собственника земли, все же в системе социализации этому буржуазному государству отводилась видная роль: в его компетенцию входило «расселение и переселение, заведование резервными земельными фондами и т. д.». Правда, учитывая, по-видимому, все то, что было сказано на съезде против национализации земли в буржуазном государстве, при выработке окончательной формулировки этой части аграрной программы, очевидно, сочли за лучшее слово «государство» из программы убрать. Вместо него предпочли более неопределенное выражение «центральные учреждения», но в их ведении находился уже не только резервный, а весь земельный фонд.

Следует обратить внимание на появление, начиная со второго печатного проекта, определения «бессловные» перед сельскими общинами. Составители программы, говоря о переходе земли в распоряжение или заведование общин, имели в виду не существующие замкнутые словные крестьянские общины, а все население, проживающее на определенной территории и имеющее

³⁵ Там же, стр. 224.

одинаковое трудовое право претендовать на пользование землей.³⁶ Общины в эсеровской программе — это демократически организованные органы местного самоуправления как в деревне, так и в городе. В окончательном варианте программы, устраняя все сомнения на этот счет, к словам «бессловных сельских» было прибавлено «и городских общин». Так постепенно, от первоначального варианта к окончательному, за широковежательным утопическим планом какой-то особой децентрализованной системы общин и союзов общин вырисовывались реальные контуры обыкновенного буржуазно-демократического государства с центральными и местными государственными органами. «Мы не боимся работы на почве демократических форм современного государства, — заявлял на съезде Чернов, — особенно на почве его органов местного самоуправления». «Совершенно ясно далее, что и центральных государственных учреждений нельзя совершенно обойти».

И хотя Чернов подчеркивал эсеровское «опасливое отношение к государству в буржуазном режиме», ибо оно «оставалось государством эксплуататоров» и оплотом «частно-трудового строя»,³⁷ уже в проекте 1904 г. указывалось, что партия социалистов-революционеров «будет стоять... за коммунальную, земскую, а равно и *государственную* политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах». Это место оставалось неизменным во всех известных вариантах программы. Эсеры, таким образом, видимо, рассчитывали оказать давление на органы буржуазного государства, чтобы добиться от него поддержки своим кооперативным планам, которые наряду с социализацией земли должны были внести в буржуазный строй антибуржуазное начало. На съезде в выступлениях ряда делегатов обращалось внимание на то, что без государственного кредита социализация земли не улучшит положения трудящихся и превратится в «пустую фразу».³⁸

Идя навстречу пожеланиям делегатов, предлагавшим включить требование государственного кредита в партийную программу, редакционная комиссия сочла возможным подчеркнуть роль буржуазного государства в осуществлении эсеровской социализаторской программы-минимум. Если во втором печатном проекте просто упоминалась «общинная товарищеская обработка земли», за развитие которой «будет стоять» социально-революционная партия (в проекте 1904 г. об этом ничего не говорилось), то в окончательном тексте это место выглядело следующим образом: «Организация земскими и областными органами самоуправления при помощи общегосударственных средств широкого кредита для развития трудового хозяйства, преимущественно на кооперативных началах».

³⁶ Там же, стр. 231—234.

³⁷ Там же, стр. 234, 235, 264.

³⁸ Там же, стр. 197, 200—202.

Текст принятой программы показывает, что спор на съезде между «национализаторами» и «социализаторами» решился в пользу последних. Термин «социализация земли» получил определенное толкование и сознательно был противопоставлен «национализации». Но спорные вопросы аграрной политики этим не исчерпывались. Оставалось еще установить, на каких условиях различные категории земель подлежат социализации.

В проекте 1904 г. указывалось, что социалисты-революционеры стоят «за социализацию всех частновладельческих земель, т. е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц». Ни у кого из социалистов-революционеров никогда не возникало сомнения, что все помещичьи земли подлежат «изъятию». Но формулировка проекта 1904 г. оставляла неясным, подходит ли под рубрику частной собственности крестьянская надельная земля. Не разъяснял это и второй печатный проект. Там просто говорилось, что «партия будет стоять за социализацию земли». Между тем вопрос о судьбе крестьянского землевладения и землепользования был остро поставлен в двух выступлениях делегата из Томска. Одновременно с рассуждениями о «народном миро-созерцании», отрицающем куплю-продажу «ничьей», «божьей» земли, он высказал опасения в связи с перспективой социализации крестьянских земель. «Принцип социализации, — предупреждал представитель Томского комитета, — может столкнуться... с собственническими тенденциями части крестьянства». Причем оказывалось, что по существу это относится ко всему крестьянству. «Социализация всех земель, кроме крестьянских надельных... не встретит большого затруднения со стороны самого населения. Все эти земли могут быть социализированы революционным путем. Неизмеримо труднее социализировать крестьянские надельные земли и мелкие участки купленной крестьянами земли. Социализация их потребует длительного процесса».³⁹

Делегату из Томска отвечал представитель крестьянского союза Гурьянов. Он утверждал, что крестьяне добровольно и безвозмездно отдадут все свои земли в «общественную собственность», рассчитывая получить фактически в пользование еще больше.⁴⁰ Однако дискуссия о судьбе крестьянских надельных земель на съезде не развернулась, а больше заинтересованности было проявлено в отношении крестьянской купчей земли. Здесь несколько раз высказывалось мнение, что «земли, приобретенные на трудовые деньги, должны быть выкуплены». Поступило предложение и в самой программе «добавить указание о выкупе земли у трудового крестьянства, приобретенной главным образом при помощи крестьянского банка».⁴¹ Некоторые участники съезда, как уже

³⁹ Там же, стр. 184, 208—210.

⁴⁰ Там же, стр. 197—198.

⁴¹ Там же, стр. 192, 197, 202, 205.

упоминалось, были склонны допустить в зависимости от обстоятельств выкуп даже помещичьей земли.⁴²

Чернов в своем ответном слове предпочел обойти деликатную проблему крестьянских наделных и купчих земель. Никак не выделялись они и в эсеровской аграрной программе. Правда, в окончательный текст было внесено небольшое уточнение. Фраза «социализированная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления» (второй печатный проект) выглядела так: «все земли поступают в заведение» (курсив наш, — В. Г.).

Следует также сказать, что обойденный в проекте 1904 г. вопрос о выкупе в дальнейшем твердо был решен в отрицательном смысле и, очевидно, это касалось как помещичьих, так и крестьянских земель.⁴³ Причем, если вначале за пострадавшими от земельного переворота признавалось право на общественную поддержку на время, «необходимое для приспособления к *новым хозяйственным условиям*», то в утвержденной программе (после протеста ряда делегатов) поддержка обещалась только для «приспособления к новым условиям *личного существования*» (курсив наш, — В. Г.). Это являлось значительным уточнением, бившим по интересам помещиков и зажиточного крестьянства.

Что касается известного эсеровского положения о двух нормах землепользования — потребительной и трудовой, то оно не нашло достаточно конкретного выражения в программе. В проекте 1904 г. кратко говорилось, что земля передается общинам и союзам общин «на началах уравнительного пользования». Вторым печатный проект несколько детализировал эту формулу, разъяснив, что «пользование социализированной землей должно быть уравнительно-трудовым, т. е. обеспечивать потребительную норму при условии приложения собственного труда, единолично или в товариществе». Но и здесь еще не содержалось четкого определения трудовой и потребительной норм как высшего и низшего размеров землепользования. Однако обсуждение этого вопроса на съезде не пошло по пути выработки более четких понятий. Определенную часть делегатов смутило другое: приложение *собственного* труда как необходимое условие пользования землей. А ведь на этом держался весь эсеровский аграрный социализм. Допущение эксплуатации наемного труда в сельском хозяйстве означало для эсеров победу капитализма в деревне. Тем не менее именно вопрос о наемном труде вызвал оживленную дискуссию. Все выступавшие в принципе высказывались за то, чтобы землей мог пользоваться лишь тот, кто сам ее обрабатывает. Но в то же время они считали нецелесообразным прямое высказывание

⁴² Там же, стр. 90, 91.

⁴³ «Земля переходит в общественную собственность без выкупа» (второй печатный проект). «Земля обращается в общенародное достояние без выкупа» (окончательный текст).

в программе против наемного труда и соответственно законодательного запрещения его в будущем.

Запрещение наемного труда, по мнению части делегатов, привело бы к недопустимой регламентации хозяйственной жизни крестьян и на практике оказалось бы неосуществимым. Приводились примеры, когда наемный труд явился бы жизненно необходимым для крестьянской семьи, например в случае смерти или болезни единственного кормильца.⁴⁴ Однако предложение представителя Нижегородского комитета отличать *наемный* труд, применяемый вынужденно, от *батрацкого* труда, к которому прибегают с целью эксплуатации, было отвергнуто 29 голосами против 4.⁴⁵

Против этого предложения выступил также Чернов, здесь он был вполне солидарен с будущим лидером энесов Пешехоновым и с прибывшим из районов крепкого сибирского крестьянства томичем Пашиным. Вместо требования законодательного запрещения наемного труда Чернов говорил о создании таких экономических условий, при которых эксплуатация наемного труда была бы невыгодной. С этой целью он предлагал бороться за влияние в органах местного самоуправления, чтобы использовать их для «подъема трудового хозяйства, особенно на кооперативных началах».⁴⁶ Подобно легальным народникам 90-х годов эсеровский теоретик говорил об улучшенной агрономии, снабжении безлошадных и бесхозяйных инвентарем и скотом, улучшенными семенами и т. п.

В ходе прений были высказаны две противоположные точки зрения: первая — «подчеркнуть опять свое основное положение: земля ни в коем случае не может служить орудием эксплуатации чужого труда»; вторая — «совершенно устранить из программы вопрос о недопустимости в земледельческом хозяйстве будущего наемного труда».⁴⁷ Судя по окончательному тексту программы, редакционная комиссия более склонялась ко второму мнению.

Текст о нормах в основном остался таким же, каким он был во втором проекте, лишь с небольшим изменением, которое, впрочем, делало пункт о наемном труде еще более расплывчатым. «Пользование землей, — говорилось в утвержденной съездом программе, — должно быть уравнилельно-трудовым, т. е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда».⁴⁸ Окончательный вариант «на основании приложения» заменил несколько более категоричное «при условии приложения».

В целом аграрная часть программы была принята подавляющим большинством: 55 против 1.⁴⁹

⁴⁴ Протоколы, стр. 91, 205, 238.

⁴⁵ Там же, стр. 193, 252.

⁴⁶ Там же, стр. 239.

⁴⁷ Там же, стр. 193, 212.

⁴⁸ Там же, стр. 363.

⁴⁹ Там же, стр. 253.

Единодушное принятие аграрной программы не предотвратило очень скорого отделения от партии ее правого крыла, оформившегося летом 1906 г. в особую партию «народных социалистов». Представители будущих энесов на съезде по ряду вопросов достаточно ясно высказали свои отличные от эсеровского центра взгляды. И для организаторов съезда это не явилось неожиданностью, поскольку представители правоэсеровского течения еще задолго до съезда выступали на страницах традиционно народнического легального «Русского богатства». Как группа «Русского богатства» они и были приглашены на съезд с *совещательным* голосом. Таким образом, их мнение, отраженное в прениях, не сказалось на результатах голосования. По-видимому, эсеровские лидеры, приглашая Пешехонова и его сторонников на съезд, рассчитывали добиться примирения, выработать единую, объединяющую всех программу, но достичь этого не удалось. Очевидно, группа Пешехонова не была удовлетворена окончательным текстом программы, и это послужило толчком для решительного организационного размежевания.⁵⁰ Аграрная программа «народных социалистов» достаточно ясно показывает основные пункты их расхождений с эсерами. Энесовская «национализация земли», хотя и предусматривала, подобно эсеровской «социализации», запрещение купли-продажи земельных участков и трудовое землепользование, но, в отличие от социализации, «надельные земли всех разрядов» и «мелкие купчие участки» оставляла «за их владельцами».⁵¹ Энесы выразили интересы более зажиточной части крестьянства, «хозяйственных мужичков», боявшихся, как бы им при всеобщем «поравнении» не пришлось отдать часть своей земли.⁵²

Сторонники «социализации земли», одержав победу на съезде, искренне верили, что предложенный ими путь в конечном итоге приведет к победе социализма. Разумеется, они глубоко заблуждались. Марксистская оценка эсеровского «социализма» хорошо известна. «На деле ни в каком „праве на землю“, ни в каком „уравнительном распределении“ земли, ни в какой „социализации земли“ нет *ни капли* социализма, — писал Ленин. — Это должен понимать всякий, кто знает, что товарное производство, власть рынка, денег, капитала не только не затрагивается, а, напротив, еще шире развертывается при отмене частной собственности на землю и новом, хотя бы и самом „справедливом“, ее разделе».⁵³

Вскрывая мелкобуржуазную сущность «социалистических» взглядов социалистов-революционеров, Ленин в то же время не-

⁵⁰ Помимо программных, существовали серьезные разногласия по уставным вопросам.

⁵¹ Ближайшие задачи трудовой (народно-социалистической) партии. Сб. «Защита», № 3, СПб., 1907, стр. 8.

⁵² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 14, стр. 287.

⁵³ Там же, т. 21, стр. 284.

однократно указывал, что за утопической псевдосоциалистической оболочкой у эсеров необходимо различать прогрессивное для своего времени реальное буржуазно-демократическое содержание их программы.

Между социалистической оболочкой и буржуазно-демократическим содержанием у эсеров существовала определенная связь. Отражение интересов крестьянства облекалось в мелкобуржуазные социалистические формы, а социалистические утопии вели в свою очередь к радикальным уравнилельским воззрениям, и это в 1905—1907 гг. приводило сторонников «социализации земли» к более глубоким (несмотря на противоречивость и колебания) буржуазно-демократическим требованиям по сравнению с защитниками своеобразной мелкобуржуазной «национализации», будущими энесами. Разногласия между умеренным и более радикальным направлениями в эсеровской партии вполне отчетливо проявились на съезде, и, как мы старались показать, ряд формулировок окончательного текста программы отразил и зафиксировал определенные результаты этой борьбы направлений.⁵⁴

⁵⁴ На съезде, кроме правого и центристского направлений, в полной мере заявили о себе представители ультралевого крыла, так называемые максималисты, требовавшие перехода в общенародное достояние не только земли, но также фабрик и заводов. Возникшая в связи с этим большая дискуссия не отразилась на тексте различных вариантов программы, поэтому вопрос о максималистах не стал предметом исследования в данной статье.